

Несколько девушек, сжавшись в углу, на мгновение забыли дышать, лишь дрожащими руками стараясь черпать силы друг у друга.

Мало того что эти девушки были напуганы — когда из щели в двери показалось румяное, почти белое лицо, сердца даже мужчин дрогнули.

Одетый в погребальные одежды старик с румяным лицом и странной, полуулыбающейся гримасой в уголках губ вошёл и, не моргая, уставился на всех в комнате.

Кожа на его шее и руках была морщинистой, но лицо оставалось гладким — такое состояние кожи могли бы принять и за двадцатилетнее.

Гао Цянь, дрожа, вцепился в одеяло Е Тао, свернувшись в клубок и прижавшись к стене, не смея издать ни звука.

Е Тао, сохраняя спокойствие, крепко сжал кинжал, приняв полуприсевшую позу на кровати, готовый в любой момент броситься в атаку.

Но старик в погребальных одеждах, стоя у двери, вдруг замер.

Все напряжённо смотрели на старика в красном, и самые трусливые из девушек уже начали беззвучно плакать.

Старик, словно почувствовав что-то, с треском повернул голову и уставился на девушек в глубине комнаты.

— Ух... — Чжао Юэ не сдержала рыдания.

Ло И, испугавшись, быстро повернулась, чтобы закрыть ей рот, и начала судорожно вытирать слёзы.

Но было уже поздно.

Старик с треском двинулся к кровати, и девушки сжались так, словно хотели вжаться в стену.

Е Тао, затаив дыхание, тихо спрыгнул с кровати и, держа кинжал, подкрался к старику сзади.

Прежде чем старик успел протянуть свои иссохшие руки к Чжао Юэ, Е Тао нахмурился и высоко поднял кинжал.

Чжао Юэ, испугавшись, закрыла глаза и, почувствовав холодное и шершавое прикосновение к шее, не смогла сдержать крика.

Рассвело.

Шэнь Тинбэй с трудом открыл глаза и обнаружил, что проспал всю ночь прямо рядом с алтарём.

Он потер глаза, глядя на полную чашу пепла от бумажных денег, и лишь спустя мгновение пришёл в себя.

Рядом спал его номинальный приёмный отец, раскинувшись на полу, а напротив только что проснулись четыре сестры. Близнецы из третьего крыла, похоже, уже ушли.

Шэнь Тинбэй поднялся с пола, потирая одеревеневшую спину. Внезапно он что-то вспомнил и, пока остальные ещё не заметили, на цыпочках заглянул в гроб к своему номинальному деду.

Взглянув, он нахмурился.

Неужели вчерашняя мрачная атмосфера вызвала у него галлюцинации?

Теперь в гробу лежал просто бледный, мёртвый старик, совсем не тот румяный человек, которого он видел прошлой ночью. Ничего странного не было, и красные ленты в алтаре больше не казались пугающими.

Шэнь Тинбэй хотел рассмотреть получше, но внезапно услышал громкий спор из восточного крыла.

Конечно, друзья важнее, и Шэнь Тинбэй отказался от мысли заглянуть в гроб ещё раз, бросившись бежать в восточное крыло.

Не добежав до места, он услышал громкий голос Е Тао:

— Опустит нож!

Шэнь Тинбэй широко раскрыл глаза. Когда Е Тао так громко говорил? Он ускорил шаг.

Войдя во двор сыхэюань, он увидел Цзун Хай с кинжалом в правой руке, держащего Чжао Юэ левой, с красным от волнения лицом.

Е Тао стоял недалеко, слегка согнувшись, с низко опущенным центром тяжести. Хотя он уговаривал Цзун Хай, но и сам медленно продвигался вперёд.

Остальные стояли либо у дверей главного дома, либо за спиной Е Тао, с мрачными лицами. Несколько девушек, стараясь не плакать, кусали себя и моргали, чтобы не проронить слёзы.

— Что случилось? — Шэнь Тинбэй быстро подошёл к Гао Цяню и Ло И.

Ло И, похоже, была в шоке, её руки и тело дрожали, очки сползли на нос, но она даже не поправила их. Гао Цянь похлопывал её по спине, но его лицо тоже было мрачным.

— Прошлой ночью кое-что произошло...

Когда старик в погребальных одеждах протянул руку к Чжао Юэ, кинжал Е Тао вонзился прямо в его сердце.

Ярко-красные погребальные одежды мгновенно пропитались чёрной кровью.

Старик с румяным лицом и красными губами улыбнулся и с треском медленно повернул голову, убрав руку и уставившись на Е Тао.

Е Тао всё ещё держал рукоять кинжала, и, встретившись взглядом с чёрными глазами старика, почувствовал головокружение.

— Хэ-хэ...

Старик открыл рот и засмеялся.

Е Тао, держа кинжал, упал на пол, как и все остальные в главном доме, потерявшие сознание.

— Хэ-хэ...

Из груди старика всё ещё текла чёрная кровь, но он шаг за шагом направился к Чжао Юэ.

Он протянул свою иссохшую руку и вытер слёзы с её лица.

На белой коже остались чёрные следы.

Их можно было видеть и сейчас.

— Эта девушка точно умерла прошлой ночью, точно умерла! — Цзун Хай крепко держал Чжао Юэ, брызгая слюной. — Её прошлой ночью заметил этот мертвец, она умрёт!

— Вы не понимаете, вы не понимаете! — Цзун Хай вытаращил глаза. — Только мёртвые могут изменить содержание карточки и выбраться из этого проклятого места. Чжао Юэ уже умерла прошлой ночью, она плакала, вы все слышали, она плакала. Здесь нельзя плакать! Она уже мертва!

Чжао Юэ теперь тоже была на грани слёз, но они не вытекли.

Она дрожащим голосом умоляла Цзун Хай отпустить её.

Е Тао тоже приближался к Цзун Хай:

— Цзун Хай, успокойся. Ты не можешь убивать.

— Я никого не убивал!

— Она уже мертва!

С этими словами Цзун Хай опустил кинжал и резко замахнулся на шею Чжао Юэ.

Е Тао бросился вперёд, ударив ногой по руке Цзун Хай, и, приземлившись, схватил его за руку, но Цзун Хай всё же успел порезать шею Чжао Юэ.

Цзун Хай был прижат к полу Е Тао, а Шэнь Тинбэй бросился помогать Чжао Юэ, прижимая рану на шее.

Цзян Чэнсянь быстро побежал в дом за красной одеждой и, выбежав из толпы, закричал:

— Я врач, я врач!

— Быстрее! — Шэнь Тинбэй, глядя на свои окровавленные руки, дрожал.

— Не говори, — Цзян Чэнсянь прижал одежду к шее Чжао Юэ, его руки дрожали. — И не спи, ни в коем случае не спи. Я обработаю рану, обработаю.

Шэнь Тинбэй, видя растерянность Цзян Чэнсянь, занервничал:

— Ты справишься?

— Я пластический хирург! Я пластический хирург! — Цзян Чэнсянь разрыдался, его руки были в крови Чжао Юэ.

Чжао Юэ кашлянула, и изо рта выступила кровь.

Шэнь Тинбэй собрался, стараясь говорить спокойнее:

— Чжао Юэ, держись, я сейчас найду врача, не сдавайся!

Чжао Юэ наконец смогла позволить себе заплакать, слёзы текли из её глаз, смешиваясь с кровью на губах и падая на красную одежду на шее, оставляя пятна.

Сильная боль в шее и странный шум в ушах заставили её тело окоченеть. Перед глазами мелькали картины, но ни одна не задерживалась. Её жизнь только начиналась!

— Я... я не хочу умирать...

Чжао Юэ крепко сжала руку Шэнь Тинбэй, умоляя:

— Пожалуйста... пожалуйста... я не хочу умирать...

Шэнь Тинбэй, задыхаясь, скрежетал зубами:

— Ты не умрёшь, ты не умрёшь!

Остальные подбежали помочь: кто-то прижимал рану, кто-то приносил воду. Никто не хотел, чтобы их товарищ ушёл именно так.

Шум в восточном крыле привлёк внимание всей резиденции Ван. Четыре сестры вошли через дверь и, увидев эту сцену, закричали, что это проклятие. Старшая сестра Чунь сказала, что пойдёт за врачом.

Внезапно раздался протяжный и хриплый звук суоны, мощный и долгий, пробивающий небеса.

Чжао Юэ медленно отпустила руку Шэнь Тинбэй.

Она широко раскрыла глаза, глядя на ясное голубое небо, в глазницах всё ещё оставались слёзы.

Шэнь Тинбэй, дрожа, тряс обессиленную Чжао Юэ:

— Чжао Юэ, Чжао Юэ!

Но никто не ответил, только звук суоны из заднего зала всё ещё витал в воздухе.

<http://bllate.org/book/16305/1470774>